

Исчёрканная

«Книготерапия» 2023
Крупная проза

Победитель

1 место

Литрес

Дарина Стрельченко

Дарина Стрельченко

Исчёрканная

«Автор»

2024

Стрельченко Д. А.

Исчёрканная / Д. А. Стрельченко — «Автор», 2024

Старшеклассница Маргарита жестоко расправляется с обидчицей и попадает в колонию для несовершеннолетних. После выхода Маргарита старается не привлекать внимания, подрабатывает в цветочном и сторонится пьяницы-отчима, забитой матери и страдающей деменцией бабушки. Жизнь идёт размеренно и безнадежно, пока в класс не приходит Ильяна — двенадцатилетний вундеркинд. Одноклассники издеваются над девочкой, но Маргарита узнаёт в ней себя и пытается опекать, параллельно сражаясь с собственными демонами.

© Стрельченко Д. А., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

34

Дарина Стрельченко

Исчёрканная

Глава 1. Гляибля

В школе их называли Галевали. Маргарита звала их «Гляибля».

Гляибля сидели на подоконнике, солнце светило им в спины. Контур был ярким и чётким; такая картинка могла бы стать хорошей татуировкой. Само собой в голове появилось название: «Мои врагини».

Галя курила, Валя листала ленту. Галя щурилась и улыбалась, как кошка; её светлые волосы отливали на солнце платиной. Из раскрытого окна пахло весной, и царапали стёкла кленовые ветки.

Заметив Маргариту, Галя прикрыла левый глаз и окликнула Валью:

– Ты глянь, кто выполз.

Валя оторвалась от телефона и засмеялась. Смех у неё был очень красивый: мягкий и звонкий. Галя тоже засмеялась, но её смех был рассыпчатый и резкий.

– Ри-ита, – протянула она. – Покуришь с нами?

Маргарита прикинула расстояние до двери кабинета. Если рвануть прямо сейчас, пока они расслабленные, – проскочит.

Она рванула. Не рассчитала. Галя опустила ногу, и Маргарита запнулась об неё, полетела вперёд и ударилась о батарею. Из глаз полетели искры. В ушах затрещало, а в нос ударило табачное Галино дыхание. Галина рука с розовым браслетом мелькнула перед глазами, схватила за волосы и дёрнула вверх. Маргарита закричала. Валя соскочила с подоконника, чтобы прикрыть их от учителей, которые могли заглянуть в коридор.

– Ну вот, может, хоть прояснится в голове, – встряхивая Маргариту, хмыкнула Галя. – Может, уяснишь своё место, сучка тупая, наконец-то. Я тебе сколько раз говорила: не вылезай, не пугай народ. Твой щенок и то не такой страхолюдный.

Маргаритина голова моталась, всё прыгало перед глазами; она стояла на четвереньках, и вырваться из Галиной хватки никак не получалось.

– Как же от тебя воняет, а! В твоей дыре всегда такой запах, или только когда папаша является? Валь! Позови Марата, надо её помыть!

В ушах шумело. Кожа на затылке горела – от удара и от того, что Галя тянула и тянула её за волосы. Перед глазами поплыли огненные круги.

– Где мыть будем? – где-то вверху деловито спросила Валя. – В раковину не влезет.

– В унитаз окунём, – решила Галя и крикнула: – Марат! Где тебя носит? Ну!

Маргарита забрыкалась, но Марат заломил ей руки за спину и потащил вперёд. Галя продолжала держать за волосы, голову пришлось наклонить, чтобы не тянуло так зверски, и теперь Маргарита видела исцарапанный линолеум и слетевший с косички краб. Краб исчез; линолеум продолжался. Её тащили вперёд, Маргарита упиралась и дёргалась.

– Да заткнись ты!

– Сейчас хлебнёт водички из унитаза и заткнётся. Давай, Маратик!

Маргарита извернулась и укусила Марата выше колена. От неожиданности он разжал пальцы, и Маргарита отлетела к стене. Схватила за затылок; волосы были липкими, от макушки растекалась острая и горячая боль.

– Не хочешь мыться? – участливо спросила Галя, гений-Галя, на которую молились все учителя.

– Ах ты сучка мелкая, – процедил Марат, растирая место, куда укусила Маргарита, – зубы, как у щуки!

– А я уже мыло нашла, – расстроилась Валя.

Галя вернулась на подоконник; видимо, прямо сейчас ей не хотелось развлечений настолько, чтобы заставлять Марата тащить упирающуюся Маргариту дальше.

Зазвенел звонок.

– Отложим до черчения, – велела Галя; на черчение ходили только чопики вроде Маргариты, Гляибля его прогуливали. Галя затаилась и потушила сигарету об облупленный подоконник. – Сядешь сзади, чтоб мы не провоняли от тебя.

Маргарита, пошатываясь, встала. Перед глазами плыло, горел затылок. Толчками, проталкивая по сосудам кровь, стучала ярость. Ярости было меньше, чем страха. И боли тоже было меньше. Но Маргарита сделала шаг, в затылке выстрелило, и боль и ярость слились. Сплавились во что-то.

Маргарита плохо осознавала, что делает. Не понимала даже, что низкий утробный звук, который она слышит, – её рёв. Она двинулась вперёд, ускоряясь и тяжелея. Галя покачивала ногой в лакированной туфле; Маргарита добралась до неё в один скачок – может быть, поэтому никто не успел ничего сделать.

– Эй! Ты чё?

Нелепо, позабыв сжать кулаки, Маргарита толкнула Галю ладонью – в плечо и в грудь. Неумело и со всей силы.

Галя покачнулась.

Маргарита очень долго смотрела в её расширившиеся глаза, успела даже скосить взгляд на зажатую в пальцах сигарету, прежде чем Галя повалилась назад. Взмахнула руками, тихонько ахнула и исчезла за подоконником. Мелькнули юбка, колготки, ноги в светлых лаковых туфлях.

Верещала Валя. Кто-то закричал в коридоре. Маргарита стояла, так и не опустив руки. Колотилось сердце – как будто она долго петляла по коридорам, убегая от Гляибля, – и стучало в ушах. Она с трудом согнула руки, взялась за край подоконника и выглянула наружу.

Снег во дворе давно растаял. Галя лежала на сухом асфальте, поверх надписей, которые каждый год оставляли одиннадцатиклассники. Под Галей расплывалось красное пятно, и она не шевелилась.

Глава 2. Змея

Минута, когда Маргарита смотрела на выпавшую из окна Галю, оказалась последней, когда время шло привычно. Дальше оно то растягивалось, то сжималось крепко и наглухо, чтобы потом выстрелить очередью лиц, событий и слов.

– Приговорить к четырём годам воспитательной колонии.

На голову рухнуло ведро воды. Вода залилась в глаза, в уши и в нос. И не уходила. Маргарита ничего не могла сказать. Зашёл конвой, её повели куда-то.

Отец не пришёл ни на первый суд, ни на второй. На первом её приговорили к трём годам в ВК 116/53 за непредумышленное убийство. На втором родителей лишили родительских прав.

Карантин. Две недели.

В голове всё билось – Гляибля.

– Никаких глупостей, поняла? Попадёшь в ШИЗО¹ – на УДО² не рассчитывай. А так можешь написать уже через год. – Это сказала соцработник, прежде чем Маргариту увели в карантин. – Не бросай школу ни в коем случае, попробуй устроиться в помощником кухню или разнорабочей. На руки деньги не получишь, но накопишь хоть сколько-то.

Гляибля.

¹ ШИЗО – штрафной изолятор.

² УДО – условно-досрочное освобождение.

В СИЗО Маргарита решила, что сходит с ума. Камера была маленькой, Маргарита не понимала, куда её привезли. Там никого не было, но всюду была вода. А потом Маргарита оказалась в другом СИЗО, и там были ещё люди; кто – она не помнила. Приехала соцработник, которая говорила про кухню; сказала, что всё будет хорошо.

Потом была какая-то девочка, которую к Маргарите прикрепили на десять дней, чтобы она поняла, что и как.

Гулкий прохладный зал столовой. Эхо от стука ложек. Рядом с ней села Галя. Маргарита в ужасе обернулась.

– Эй, ешь давай. Ты чего такая скелетина? Маргаритка, ешь, говорю!

Это была не Галя. Просто светленькая худая девушка.

Маргарита долго смотрела на листок с заданием, не понимая, что от неё хотят. Потом взяла в руки ручку; это пробудило воспоминания. Маргарита что-то считала, складывала и вставляла буквы. Её зачислили в восьмой класс, вместе с девушками, у которых сланцы были из разных пар и разных цветов почему-то.

– Тут храм есть. Можно в колокола звонить.

Позже Маргарита узнала, что классы собирают не по возрасту, а по уровню знаний.

– Выучишься на маляра.

Все были в татуировках. Это было легко: достать из тетрадки скобку, заточить, впясть над огнём в ручку. Поджечь пластмассу; сажа скопится на стекле, потом нужно её смешать с шампунем, и будут чернила. Выбираешь рисунок, ищешь мастера. Партак³ готов.

Гляибля. Гляибля. Гляибля.

– Ты старое-то забудь, Маргаритка. Смотри, тут никого из окна не выкини. Забудь старое и учись уже какие-то взрослые движения делать.

Курицы за проволочной изгородью – за ними нужно было ухаживать: класть им золу и гравий, мыть щёткой с уксусом – это называлось «психологическая адаптация». Джек Лондон в чёрной обложке в библиотеке. Масляная краска на стенах. Скрипучий пол, вытертый ковёр между кроватями. Кухня. Капуста.

Девочки классом младше не знали, что «а», помноженное на «2», равняется «2а». Позже Маргарита не понимала, почему из всего этого – курицы, Джек Лондон, масляная краска, кухня – лучше всего запомнилось именно «2а».

– Пусть это будет самое плохое, что с тобой случилось. Дальше будет лучше.

Если поднять голову во дворе, можно было увидеть берёзы, стены, вышки и колючую проволоку на фоне неба. Низкое и плоское небо наблюдало, как одни люди стерегли других. Иногда за стеной вытирала кровь с лица Галя.

Можно было звонить по стационарному телефону четыре раза в неделю. Кто-то положил трубку прямо перед ней; Маргарита увидела татуировку-пластырь на запястье. Она не знала, кому позвонить.

Она не успела дошить что-то вовремя. За это весь отряд заставили читать правила внутреннего распорядка вместо кино. Потом с ней говорил кто-то из старших:

– Ты так больше не делай. Веди себя хорошо. Ты нас не подставляй. Тебе же надо выйти отсюда с хорошей характеристикой, да?

Галя пролежала на асфальте всё лето и почти всю осень. В ноябре наконец выпал снег, и асфальт исчез.

– Если будешь на баланде, там малина растёт, пустят собирать её для компота. Слышишь? На баланду иди. Ну, на стол. На кухню!

³ Партак – самодельная татуировка.

Маргарита не слышала. Вода всё не уходила, и она жила словно под тёплым слоем, с задержкой слыша вопросы и почти не чувствуя голода. От этого резкие повороты казались плавными; Маргарита скользила по ним, как по ледяной горке; как по кольцам змеи.

– Эй, Маргаритка, тату хочешь? Змею набыю.

Укол скобкой. Кровь. Боль.

– Хочу, – сказала Маргарита и вынырнула из-под воды.

Глава 3. Яблоня

– Всё очень просто, – сказала Лена, вытаскивая из-под досок лопату. – Предельно. Есть прѳпасть. Есть шар, который в неё катится. И есть чудо.

Лена не удержала тяжѳлую лопату и уронила; Маргарита не успела подхватить, на грохот выглянула надзирательница. Лена крикнула:

– Всё в порядке, Мария Ивановна! Просто лопата упала.

– Зачем вам лопата?

– Мы яблони будем сажать.

Мария Ивановна убралась обратно в каморку. Лена дождалась, пока там забормочет телевизор, и продолжила:

– Чудо приходит в самый последний момент. Это классика жанра, сюжет Пасхи.

Маргарита не очень помнила, в чём сюжет Пасхи, но перебивать не хотелось. Лена подняла лопату и сунула ей в руки:

– Пошли.

Сама она взяла тяпку и лейку. Расстегнула куртку и вытерла лоб.

Пока они тащили инструменты, Маргарита в который раз спрашивала себя, почему вместо того, чтобы посмотреть кино вместе с отрядом или, на худой конец, посидеть в библиотеке, она вызвалась помогать Лене и теперь прѳт на себе лопату.

Во дворе было ветрено, бежали тучи. За углом хозблока Лена остановилась и посмотрела в небо.

– Надо успеть до дождя, а то потом в грязи придётся барахтаться.

– Где копать? – спросила Маргарита, прислоня лопату к стене. Закатала рукава брезентовой куртки; из-под правого выглянула змея. – И что там насчѳт чуда?

Лена ногой раскидала камешки и ткнула носком ботинка в четыре места:

– Тут. Тут. Вот тут и вот тут. Лунки должны быть минимум на расстоянии метра. Что касается чуда... – Она снова задрала голову, рукой нащупала черенок лопаты. – Ну, в последний момент – это значит, тогда, когда уже никак без чуда. То есть ты сделал всё, что мог. Вот просто всё. А зло оказалось сильней. И вот в этот момент происходит чудо. Но только при условии, что ты сделал всё, что мог. Совсем всё.

– Сурово, – буркнула Маргарита, отбирая у тщедушной худѳщей Лены лопату и втыкая острѳе в землю. – Как камень! Мы сто лет копать будем. Может, всё-таки дождя подождать?

– Я ж тебе только что объяснила, – с досадой сказала Лена. – Чудо – только когда ты приложил все усилия. Какое, извини, пожалуйста, чудо к тебе придѳт, если ты просто дождѳшься благоприятных условий?

– Я дождусь, и мне не надо будет чуда. Я буду просто копать.

Лена посмотрела на Маргариту, как смотрела на мелких, которые ныкали диски с фильмами из комнаты отдыха. Вздохнула.

– Рита, я же не заставляю. Ни копать, ни слушать меня. Ты сама предложила. И сама спросила.

«И теперь жалею».

Внутри заискрило от раздражения, но, взглянув на Лену, Маргарита только поджала губы. На неё невозможно было раздражаться всерьѳз. Лена была почти прозрачная, почти бес-

толковая, слишком уязвимая и совершенно непроницаемая: от неё всё отскакивало как от стенки горох.

– Лена, я правда не понимаю. Окей, чудо, Пасха, всё остальное, – сказала Маргарита и ещё раз ткнула лопатой в землю. – Но тут же совсем другая история. Тут просто здравый смысл.

– Ты не так смотришь. – Лена забрала лопату, поправила под подбородком косынку. – Ты смотришь только в сейчас. А надо в дальше.

– Я дальше конца срока не вижу. А до конца каждый день одинаково.

Лена улыбнулась.

– Чудо может прийти, когда, например, три яблони не приживутся, но четвёртая приживётся. Или если летом будет сухо, и они почти-почти засохнут, но всё-таки не засохнут. Или когда нас тут не будет, и они без заботы почти-почти погибнут, но всё-таки не погибнут, потому что кто-то решит ухаживать за ними вместо нас.

Маргарита тяжело вздохнула, взяла лопату и со всей силы вонзила в землю. Лопата ушла едва ли на несколько сантиметров; Маргарита надавила подошвой.

– Тут трава дикая. Сухая и цепкая. И камни.

– Надо сначала выполоть, – согласилась Лена, взяла тяпку и встала на колени. Маргарита опустила на корточки рядом, стряхнула с Лениной спины щепки – видимо, Лена нацепляла в каморке, где хранились лопаты.

Они принялись полоть. Шумел ветер, из окна комнаты отдыха донеслись голоса и музыка титров. Маргарита вспотела; под ногти забились земля, в рот и в глаза – пыль. Лена, напевая, дёргала осот и пырей.

– Что ты там поёшь такое?

– А... – Лена смутилась. – Тебе не понравится.

– Да уж скажи, раз поёшь.

Косынка у Лены съехала, узел оказался где-то под щекой. Волосы выбились, их трепал ветер. Зажёгся прожектор на вышке, и в этом свете у Лены на носу заблестели веснушки.

– Я потом скажу. Я спою тебе, ладно? Утром.

Они так и не выкопали ямки под саженцы: только убрали траву. Решили вернуться завтра, но назавтра весь день хлестал дождь, отменили даже прогулку – нечего было и пытаться отпроситься во двор в личное время.

Тогда Лена предложила:

– Пойдём в библиотеку?

– Иди. Я сейчас.

Маргарита взяла у дежурной иголку и нитки – надо было зашить штаны. Когда она вошла в библиотеку, у окна со старой гитарой уже сидела Лена. Услышав, как хлопнула дверь, она подняла голову.

– Я спою. Но ты, пожалуйста, не смейся.

– Твоя, что ли, песня? – устраиваясь поближе к лампе, спросила Маргарита.

– Нет. Но всё равно. – Лена погладила деку, всю покрытую чьими-то отпечатками. – Ну... слушай.

Какое-то время она перебирала струны; в библиотеке сиротливо пахло старыми книгами, потрескивала лампа.

Потом Лена начала наконец тонким срывающимся голоском:

Так давно, что даже боль

Моя превратилась в тень,

Никаких вестей.

Так давно, что даже тень

Твоя превратилась в сон –

Как на коже соль ⁴ .

Всю неделю лил дождь, двор превратился в месиво. Потом ударили холода, земля замёрзла и затвердела. Никто не сажает яблони в холода – и они тоже не стали. К тому же – Лена с головой нырнула в кексики.

– Какие ещё кексики? – шёпотом возмущалась Маргарита перед построением. – Тебе школы мало? Тебе библиотеки твоей мало?

Лена, наверное, пошла бы и в местную самодеятельность, от принудительных концертов которой у Маргариты раскалывалась голова; и в токарную мастерскую, если бы такая была. Но в женской ВК были только «кексики» – учёба на пекаря. А в самодеятельности были одни активисты. Так что Лена пошла на «кексики». Маргарита пошла следом, и после школы, перед швейкой, они стояли в фартуках и косынках и раскладывали тесто по формам. Лена напевала:

Так легко, как будто ночь

Твоя – непосильный груз.

Я ещё вернусь.

Так легко, как будто гладь

Морей поглотила вас,

Мы танцуем вальс.

Чем дольше Маргарита смотрела на Лену – тем отчётливей видела лезвие, по которому та бежит.

Лена шла бить словом девятиклассниц за то, что издевались над котом, рождённым на зоне.

– Вы забыли три вещи, дамы. Первое: тут камеры. Второе: то, что вы ему уши прокололи степлером, стоит от пяти до пятнадцати тысяч. Это не я придумала, это в КоАПе написано. За сколько вы столько зарабатываете? За полгода? Вот и будете расплачиваться полгода, заодно в ШИЗО поскучаете за то, что степлер свистнули. Третье: я умею писать и помню, где стоит ящик для обращений. Так что не надо думать, что это блеф.

Лена отговаривала Аню из десятого лезть на стену, чтобы прибавили срок и увезли во взрослую колонию – туда её родителям было ближе ездить на свидания.

– Ты между небом и землёй выбираешь. Либо терпишь ещё полгода без свиданий и выходишь, либо ещё три года на взрослой зоне со свиданиями. Ты дура? Ань, ты реально дура?

Лена, сверкая глазами, обличала мелких, которые после дежурства швыряли консервные банки за стену:

– Что, свинья, да? Свинья? Иди ещё одну банку брось и хрюкнуть не забудь, кабаниха!

Маргарита ходила за Леной тенью, чтобы вовремя оттащить, выручить и прикрыть. В гневе у Лены отказывали тормоза; Маргарита уверяла себя, что просто не хочет, чтобы однажды Лена тоже вытолкнула кого-то из окна.

Весной Маргарита написала заявление на сдачу ЕГЭ следом за Леной.

А в промежутках становится жутко –

Прости, дорогая, мне некуда больше идти.

Господь, как водитель последней маршрутки,

Ещё далеко, но я знаю, что точно в пути.

ЕГЭ они не сдали – как и не посадили яблони. Лену в гипсе никуда не пустили, а Маргарита завалила.

⁴ Здесь и далее в главе – текст песни «Девятый вальс» группы «Немного Нервно».

Когда Лене стало лучше, её перевели в лазарет. В первый же день Маргарита зашла к ней вечером – сразу, как одежурила по кухне. Лена лежала, глядя в окно; за решёткой качались ветки и сгушались сумерки. Она была вся в бинтах; левая рука в гипсе, полголовы острижено. Царапины на лице схватились коркой, и выглядело это жутковато, даже в полутьме

– Э-эй. Лен.

Лена повернула голову. Маргарита осторожно присела рядом, стараясь, чтобы матрас не дёрнулся. Ей сказали, Лене до сих под колют обезболивающее: сломаны три ребра, рука, челюсть, повреждены коленные чашечки. Лена рвалась на экзамен даже так, но из-за лекарств в голове стоял туман – так она написала Маргарите, когда смогла держать ручку.

– Приветик.

Где-то высоко была приоткрыта форточка. В лазарет доносился запах дождя и шум с дороги. Ветки мотало ветром, по стенам метались тени.

«Ты тут как?» – хотела спросить Маргарита, но сказала совсем другое:

– Ты мне так и не рассказала, чем песня закончилась.

– Какая песня? – спросила Лена, выпрастывая свободную руку из-под одеяла.

– Про маршрутку.

Лена поняла не сразу. Пошарила глазами по потолку, будто искала там текст.

– Я тебе напишу потом. Завтра.

– Завтра, – кивнула Маргарита. Слово было как камушек во рту. Ещё пятьдесят четыре «завтра», и...

Ей все говорили: не считай. Но оно как-то само считалось с тех пор, как сказали, что получилось с УДО. Несмотря на то, что экзамены завалила.

– Мне сказали, что кексиксы сыграли. Типа, позитивная деятельность, – усмехнулась Маргарита. Лена хрипло засмеялась. Маргарита положила руку на её ладонь поверх одеяла.

– Спи давай. Выздоровливай.

Через неделю Лену навестили отсидевшие в ШИЗО активисты; в ШИЗО они попали после того, как Лена сказала, что это они побили стёкла в подвале.

После визита Лену быстро перевели в вольную больничку. Маргарита получила письмо.

«Я тебе не дообъяснила про пропасть и шар. Шар – это всё вокруг, все мы, весь мир. Он катится в пропасть. Мы не можем остановить это – остановить это может только чудо. Но мы можем попробовать задержать падение, чтобы чуда дожидаться».

Дальше шло перечисление учебников, которые Маргарита должна достать, если тоже хочет сдавать химию. В конце была приписка:

Приводи свои стада

Ко мне, как на водопой,

Я ещё живой.

Позови своих детей

Ко мне, если те не спят, —

Видишь, я распят.

Покажись, как силуэт

Вдали, если хватит сил...

Я тебя любил.

Так легко, как будто соль

Земли поглотила вас,

Я играю вальс.

Как только установилась погода, Маргарита пошла раскапывать лунки у хозблока. Приходилось то и дело отгонять кота – всё норовил прыгнуть на лопату.

Маргарита не знала, как сажать яблони; порылась в библиотеке – пусто. Поэтому сажала так, как казалось правильным. Воткнула в ямы деревянные палки, поставила рядом саженцы, расправила корни. Привязала саженцы к палкам. Присыпала землёй и полила. Закончив, постояла, разглядывая берёзы над стеной и грязь под ногтями.

Вечером тридцатого «завтра» Маргарита поговорила по телефону с Леной. Лена была бодра, рассказала, что познакомилась с соседкой по палате – химиком-технологом; уверяла, что снова будет сдавать химию на следующий год. Спрашивала, как кот. Маргарита сказала, что кот в порядке и что она посадила яблони.

Сорок третьего «завтра» ей сказали, что Лена умерла в больнице.

Вечером пятьдесят третьего Маргарита пошла к хозблоку. Три яблони подсохли, но вроде держалась. Маргарита положила ладонь на ствол четвёртой, стараясь не нажимать сильно. Ствол был шершавый, по нему бежали букашки, под корой текли какие-то соки.

– Чёрных? Остаться решила? – крикнула воспитательница.

Маргарита внимательно посмотрела на яблоню, запоминая. И пошла за вещами.

А в промежутках становится жутко –

Прости, дорогая, мне некуда больше идти.

Любовь, как водитель последней маршрутки,

Ещё далеко, но я знаю, что точно в пути.

Глава 4. Ошейник

Электронный пропуск. Дверное стекло с трещиной. Доска с расписанием и крашенные скамейки вдоль стен. Карточка, чтобы расплачиваться в столовой, – всегда нулевая; деньги, которые Маргарита получала во «Дворике», она тратила на другое.

Новая школа была ещё старше, чем прежняя. В холле пахло тряпками и хлоркой, в рекреации висели выцветшие фотообои с берёзами, на лестничных пролётах под ногами скрипел коричневый кафель. И всюду были толпы людей. Толпы слоняющихся, бегущих, кричащих.

Маргарита ненавидела давку в раздевалке; приходила за полчаса до первого урока – повесить куртку, пока никого нет. Уходила, когда последний урок давно заканчивался, – чтоб забрать куртку, когда в раздевалке пусто. Одевалась и медленно шла домой; выйдя из школьной калитки, раскуривала кофейную «Диву Никотина». Пальцы мёрзли без перчаток, ногти пожелтели от сигарет. Маргарита докуривала под фильтр, обжигала рот и гортань. Двух «Див Никотина» хватало на дорогу до «Дворика».

Скрип кроссовок по линолеуму. Эхо и стук мяча в спортзале. Стук дверей. Крики и хохот, мелодии мобильных, постоянная лента клипов на переменах. Дребезжащий, ввинчивающийся в уши звонок.

После разграфлённой колонии звуки били по ушам, рябило в глазах, и кружилась голова. В первый день Маргарита шарахалась от людей, забивалась в угол на переменах. В классе устроилась за предпоследней партой у стены. Села бы за последнюю, но там обитал местный чудик, весь в перхоти и вонявший потом.

Скрип маркера по доске. Крошки мела. Ветер, врывающийся в открытую фрамугу. Грязно-жёлтый тюль, встающий парусом, и облупленный подоконник. Запах макарон с подливой.

В библиотеке ей выдали учебники, которые из-за года издания сильно расходились с теми, что были у одноклассников. Маргарита смотрела в правила и параграфы и не понимала ничего. Цифры двоились, мысли путались. Одну из одноклассниц звали Галя; когда её вызывали к доске, Маргарита вздрагивала, слыша как наяву: Гляибля.

На неё тут почти не обращали внимания, немножечко сторонились. Словно её не было. Только учителя говорили «Чёрных» во время переключки. Всё.

Может, им дали такое указание: не трогать её. Может, её считали прокажённой; в конце концов, все в классе знали, откуда она пришла. Иногда Маргарите казалось, что на неё оглядываются, показывают пальцем, когда она не видит; шепчутся, когда не слышит.

Маргарите было всё равно. Маргарита была счастлива, что за ней не следят, что её не трогают. Маргарита шла в школу – и не было конвоя.

Скрип и металлический звон входной двери. Запах затхлого и осеннего в прихожей – что-то вроде земли, грибов и подгнивших яблок. Слабый свет из маминной комнаты, витражное стекло, бычки в пепельнице на комодике под зеркалом. Стук бело-жёлтых бусин, шаги, тёмный коридор и шкаф, похожий на гроб.

Дома было хуже. Мать почти не разговаривала, много пила. Отчим её бил. Попытался избить и Маргариту – за прошлое. Когда он подошёл в первый вечер, толкнув перед собой волну перегара, Маргарита оскалилась. Выцедила:

– Не подходи.

– Ты у меня деньги спёрла, сучка.

Надо же. До колонии он держался как-то, сучкой её не обзывал. И мать не обзывал. Что тут у них случилось за эти годы?

Маргарита ответила – хотела, чтобы звучало холодно и спокойно, но голос всё равно дрогнул:

– Я не трогала.

– Спёрла, – протянул отчим. – Спё-орла.

– Я не трогала твоих денег!

Отчим занёс руку, и Маргарита среагировала быстрее, чем успела остановиться. Излюбленный Ленин приём: прыгнула вперёд и вцепилась в чужую ладонь зубами. Отчим стряхнул худую костлявую Маргариту, как тряпку; она отлетела к стене, ударилась о стол и сложилась пополам.

Закричала мать, а отчим стоял, покачиваясь, ошарашенный. Маргарита вскочила. Вдохнуть получилось не сразу, но всё-таки получилось. Она вцепилась в стол и замерла, боясь дёрнуться: злоба шевелилась внутри, раскаляясь. Нельзя было выпускать её. Нельзя было, чтобы снова случилось, как с Галей.

Ей не было жаль отчима. За себя было страшно.

– Ты должна тише воды, ниже травы быть, – говорила Мигрень. – А не скандалы дома устраивать. Маргарита, про УДО не забывай!

Потом было уже бесполезно говорить, что она, наоборот, сдержалась. Что это всё отчим. Было бесполезно пытаться вырваться. Вырваться Маргарита могла только в одно место – обратно. У УДО было три условия: жить дома; раз в неделю отмечаться у инспектора ПДН⁵; сидеть тише воды, ниже травы.

Зато не было конвоя.

Сладковатый прохладный запах лилий. Тяжёлый, холодный – роз. Резиновый влажный звук, с которым открывается холодильник. Сломанные хризантемы. Земля в цветочных горшках. Запотевшие стёкла, контейнеры и ножи.

В цветочном было лучше, чем дома или в школе. Маргарита сметала щёткой обрезанные стебли, листья, плёнку. Мыла полы. Вытирала пыль со столов и зеркал, мыла стёкла холодильника и окна. Раз в неделю драила с раствором флористический стол и микроволновку в комнатке за салоном. Отмывала «Кристафлором» контейнеры, ножи, секаторы и очиститель стеблей.

⁵ Инспектор по делам несовершеннолетних.

Магазин назывался «Цветочный дворик»; Маргарита называла себя «цветочный дворник». Иногда её посылали ломать ветки лиственницы в сквере за магазином, чтобы добавлять их в букеты.

По дороге домой Маргарита стояла на светофоре, рассматривая небо. Курила.

Полосы заката. Птицы. Сетка веток. Пиликанье светофоров, чей-то смех. Грязный кофейный запах, втёкшийся в волосы. Жирная чёрная весенняя земля на ботинках. Окна квартиры. Тоска, прохладная, как запах в цветочном. Пустота, гулкая, крепкая, как эхо в спортивном зале и стук мяча. Налёт и страх, как першение в горле, как накипь на чайник. Пачка «Дивы Никотина» в кармане.

На алгебре Маргарита вырвала из учебника схему с гиперболой на координатной плоскости. Закруглила верхнюю ветвь гиперболы так, что получилась петля. Дорисовала пряжку и веточку лиственницы.

В тот день она не съела в столовой коржик, который полагался ей на второй завтрак как бесплатнику. Завернула его в салфетку; отдала кому-то из младшеклассников в обмен на двадцать рублей.

Зашла в заспанную будку автомата недалеко от почты. Набрала Ижку, которая научила её набивать партаки, а вышла месяца за три до Маргариты, ещё когда Лена была жива.

– Привет. Сможешь набить ошейник?

Ижка согласилась. Вечером, закончив мыть пол во «Дворике», Маргарита, не заходя домой, пошла к ней. И не было конвоя.

Глава 5. Бабочка

Маргарита проснулась от того, что затекла шея. Противная и тяжёлая головная боль, слюна из приоткрытого рта. Маргарита осторожно потрогала языком губу: кровь запеклась, но всё ещё больно.

За окном серело. Сумерки? Утро? Сколько прошло времени?

Она перевела взгляд на часы. Начало восьмого. Значит, прошло полночи. И, значит, отчим уже ушёл. Маргарита почувствовала облегчение при этой мысли, как будто даже голову отпустило. Попробовала встать, но, охнув, тут же села обратно на шершавый линолеум. Нога тоже затекла, и теперь по ней разбегались мелкие иголки. Маргарита, втянув воздух, принялась массировать коленку. Левая рука побаливала – всё-таки неплохо отчим вчера приложил. Может быть, если пойти к Мигрени, она даже сможет что-то сделать. Только вот что? Лишит отчима родительских прав? Формально он ей и так никто.

Ногу всё ещё кололо. Маргарита попробовала встать, опираясь на кухонный гарнитур. «Гарнитур». Набор с трудом склеенных шкафов, липкий рабочий стол, крошки в щелях и неоттираемая плита. Гарнитур. Гармония.

В квартире было тихо: видимо, мама проводила отчима и легла. Маргарита поставила чайник, вышла из кухни и плотно прикрыла дверь, чтобы шум не разбудил маму. Скользнула в ванную, включила свет и отшатнулась от зеркала. Сжала губы и принялась яростно расчёсываться. Затем включила воду. Задержала дыхание, набралась смелости и плеснула в лицо.

Скулы, бровь и губы словно обожгло. Да, неплохо приложил отчим.

Вернувшись в кухню, Маргарита наскоблила в морозилке лёд. От льда пахло чем-то затхлым, но она всё равно приложила ледышки к лицу, хоть и было, наверное, уже поздно. Налила чаю; в сахарнице было пусто, в хлебнице тоже. Что ж; зато, как оказалось, в новой школе очень даже съедобные бесплатные завтраки. Для учеников из социально незащищённых слоёв населения.

Маргарита на цыпочках прошла в комнату, взяла джинсы и свитер. Напоследок ещё раз заглянула в кухню – проверить, выключила ли чайник.

Мятое нестиранное полотенце на ручке духовки, чашка с засохшими остатками кофе. Сломанный тостер, солонка и доска, на которой вчера отчим резал мясо на обивные. До того, как начал делать отбивную из Маргариты.

– Ещё раз явишься домой после двенадцати – урою.

– Тебя не спросила, когда мне приходиться!

– Тебе сколько лет-то, чтобы так с отцом разговаривать, уплёвывая?

Накануне в «Цветочном дворике» был большой свадебный заказ, к концу дня магазин напоминал помесь оранжереи и помойки. Маргарита не успела управиться до закрытия, а управляющая пообещала накинуть, если она останется и уберётся. Маргарита осталась. Смела в мешки ленты, огрызки упаковки, обкорнанные стебли и листья. Прозеинфицировала столы, прибралась в холодильнике и на полках. Погасила свет и завернула по пути домой в «Семью». Дома никакой семьи не было, но можно было получить сублимат в неопрятной тёплой кофейне на Ленина – всего за девянсто девять рублей, цену самого дешёвого капучино.

Маргарита пила кофе, стоя у подоконника. Глядела на розово-серый закат, на птиц на ветках. Удивительно, что даже в этом скверном, грязном году всё-таки приходила весна.

На половине чашки она ощутила, как ломит поясницу и гудят ноги. Села в углу, чтобы не сильно отсвечивать продавщице. Закрыла глаза, на слух, по голосам пытаясь определять, как выглядят пошедшие покупатели.

– Девушка. Эй, девушка!

Лена бежала к ней, что-то торопливо говорила, смеялась; светило солнце, и одновременно дул ветер, он раздувал волосы Лены и халат, в котором полагалось быть «на кексиках». «С кексов сбежала, что ли?» – лениво, с грустной нежностью подумала Маргарита.

– Девушка!

«Лен, забыла, как меня зовут, что ли?»

Маргарита спросила, но не услышала своего голоса. А Лена была уже совсем близко: Маргарита различала веснушки у неё на носу, шрам над бровью и тени от ресниц на щеках: ресницы у Лены были длинные-длинные. Щёки у неё горели, и она часто моргала. То ли плакала, то ли была охвачена очередной своей бедовой идеей всеобщего блага. Скорее, второе.

– Девушка-а!

Лена, запыхавшись, подбежала и схватила её за плечо.

– Девушка, мы закрываемся!

Маргарита открыла глаза, дёрнулась и вернулась в «Семью».

– Закрываемся, девушка. Двадцать три ноль-ноль.

– Да... спасибо, – пробормотала Маргарита, сглатывая горьковатую кофейную слюну.

Поднялась, подхватила рюкзак и пошла к дверям.

На улице было темно и свежо; она постояла, подставив лицо ветру, и побрела домой. А там началось:

– Ещё раз явишься домой после двенадцати – ур-рою.

Она слышала, как мама плакала в комнате, пока отчим орал на неё на кухне. Потом отчим ушёл в спальню. Мама опять плакала, он снова орал. Маргарита сидела на полу, упёршись подбородком в колени. Губа кровоточила, а внутри бурлила не злость, не ярость – внутри вязко поднималось и опускалось, в такт дыханию, чёрное марево:

«и так будет всегда»

«и ты ничего не сделаешь с этим»

«что бы ты ни делала, всё будет впустую»

«обречена»

«ты, и другие как ты»

«таких свиней, как твоей отчим, миллионы»

«таких мышей, как твоя мать, миллионы»

«таких, как ты, миллионы»

«и так будет всегда»

В школьном коридоре было холодно и пусто, пахло геранью и тряпками из туалета. Охранник проводил закутанную в шарф по самые глаза Маргариту недружелюбным взглядом. Да и с чего ему быть дружелюбным. С чему вообще кому-то быть дружелюбным с ней. С чего, интересно, Лена была дружелюбной.

До первого урока оставалось больше получаса, в рекреации на третьем этаже ещё даже не горел свет. Маргарита оставила куртку в раздевалке и пробралась в закуток у школьного музея. Устроилась в кресле, достала телефон – самый дешёвый, купленный на скопленное во «Дворике». В чате класса написали, что историчка заболела, будет пустой урок. История стояла вторым; Маргарита подумала, не прогулять ли тогда и литературу и не просидеть ли в музейном закутке до обеда. Но в животе заурчало, она вспомнила про завтрак после первого урока и всё-таки отправилась в кабинет.

Было холодно, шумно и душно, почти все уже явились. Маргарита кинула рюкзак на парту, молча уселась, достала тетрадь. Учебника у неё не было: подержанного в библиотеке не оказалось, а покупать новый – издевается? «Я вам не дочь миллионера», – вспомнила она излюбленную фразу Плюшки, которая в старой школе вела технологию.

– Одиннадцатый бэ, опять птички на жёрдочках?

Литераторша оглядела класс, недовольно поморщилась; кое-кто слез с парт, сел нормально. Литераторша прошла к доске, а следом просеменила мелкая чёрненькая девчонка – класс пятый на вид. Может быть, за журналом пришла. Маргарита открыла дневник вспомнить, что задавали, и тут же о ней забыла.

Задавали проанализировать картину «Витязь на распутье» – спасибо, что устно. Всё, что Маргарита успела сделать до звонка, – найти картину в телефоне и узнать, что художника зовут Михаил Васнецов.

На картине был нарисован богатырь, который стоял на распутье. Вернее, стоял белый мощный конь, а богатырь сидел на нём, свесив голову. Читал что-то, написанное на камне. Кажется, это был камень из серии «Направо пойдёшь...». Черепá, птицы, трава, небо. Всё.

Когда литераторша начала выискивать взглядом жертву, Маргарита притаилась за соседкой спереди. Не стоит попадаться. Она и в целом-то старалась делать домашки более-менее, только чтобы не придирались, чтобы не донесли потом Мигрени, что она халявит. Мигрень сказала, нормальная успеваемость – одно из условий УДО.

– Нормальная – это без двоек? – уточнила Маргарита.

– Нормальная – это без троек, – отрезала Мигрень.

Приходилось успевать. Но про картину Маргарита вчера напрочь забыла.

К счастью, вызвали не её. Вызвали светловолосого высокого парня – Маргарита до сих пор не запомнила, как его зовут, – но он что-то бляял, так что литераторша, вздохнув, велела ему садиться. Дальше спросили Инну – рыжую очкастую отличницу. Иногда Маргарита думала, что, наверное, хотела бы подружиться с Инной и подружилась бы – если бы не прозрачный кокон, который образовался вокруг неё в этой школе. Пока никто не травил её, не издевался, почти не называли эчкой. Но и не разговаривал с ней никто; не то что рядом – через проход от неё садиться не рисковали. Вокруг словно был вакуум.

Инна начала говорить что-то про цветовую гамму и настроение «Витязя», объёмные мазки, исторические детали и былинную традицию в живописи. Маргарита решила, что опасность миновала, и перестала слушать. Но потом Инна почему-то замолкла, и у доски раздался полудетский, хрипловатый слегка голос:

– Тут есть очень важное отличие от былин. В былинах за камнем есть три дороги: направо, налево и прямо. А здесь нет ни одной.

Маргарита подняла голову, краем глаза заметив, как то же самое сделали многие в классе. У учительского стола стояла та самая чёрненькая девочка, которая вошла следом за литераторшей.

– А ещё здесь очень много тьмы. Из светлого только небо и конь, и даже трава написана не свежими цветами, а тёмными бурыми оттенками, словно конь стоит на болоте.

Маргарита пригляделась внимательней. Курносая, большеглазая, худая, в каком-то синем балахоне с серебряными звёздочками.

– Солнце изображено справа, а значит, на картине – закат. Можно воспринимать это как предвестие новой жизни, а можно – как закат жизни витязя.

Литераторша одобрительно кивнула. Кто-то присвистнул. На девочку смотрел уже весь класс.

– Справа на картине – черепа, камень, стервятники. Это смерть. Слева – витязь и конь. Это жизнь. На самом деле витязь вовсе не на физическом распутье – ведь перед ним нет никакого перекрёстка. Выбор витязя в иной плоскости: витязь словно смотрит в своё возможное будущее и размышляет над этим.

Некоторое время в классе стояла тишина. Затем литераторша задумчиво постучала по столу указкой и сказала:

– Вот так надо анализировать живопись, одиннадцатый бэ... Это, – она положила руку девочке на плечо, – Ильяна Иванова. Ваша новая одноклассница.

– Одноклассница? – прошептал кто-то громко и откровенно недоверчиво.

– Одноклассница, – с нажимом повторила литераторша. – Ильяна переехала из другого города. Она экстерном закончила среднюю школу, поэтому будет учиться с вами.

– Сколько лет-то этой малявке? – протянул Баджик.

«Тебе сколько лет-то, чтобы так с отцом разговаривать, уплёвышь?»

Маргарита поднялась так резко, что покачнулась и схватилась за парту.

– Самому-то сколько? В штанах отросло, а мозг не догоняет?

Она и сама не поняла, зачем крикнула это. В глазах потемнело, в ушах захохотала Галя. Нельзя, нельзя, нельзя нарываться!

– Маргарита, сядь, – попросила литераторша. – Баженов, давай не будем с порога демонстрировать наш зоопарк. Инна, у тебя есть что добавить по картине?

Инна покачала головой, Баженов бросил что-то в сторону Маргариты сквозь зубы и отвернулся. Маргарита, всё ещё держась за край парты, села. В ладонь впилась заноза. Литераторша тем временем кивком отпустила от доски Инну и обвела глазами кабинет. Потом обратилась к Ильяне:

– У тебя зрение хорошее?

Девочка кивнула. Маргарита подумала, что на вид ей лет одиннадцать-двенадцать. Как так умудрилась в одиннадцатый класс? Откуда такая, да ещё под конец года?

– Тогда с первых парт двигать никого не будем. Садись-ка... Садись-ка к Маргарите.

Маргарита совершенно не поняла этот фортель: соседние парты пустовали что справа, что слева. Зачем было сажать эту мелюзгу с ней?

Ильяна помедлила несколько секунд, будто не хотела отходить от доски и учительского стола. Но потом, под взглядами класса, прошла к Маргарите.

– Привет.

– Привет, – прохладно и настороженно кивнула Маргарита.

Ильяна села рядом, повозилась, устраивая на спинке стула чёрный рюкзак, очевидно старый и точно не школьный – скорее, что-то вроде охотничьей сумки. Литераторша тем временем начала рассказывать про отражение былинной темы в классике двадцатого века. Ильяна, нахмурившись, принялась рыться в рюкзаке. Быстро вытащила пенал, тетрадь, учебник и тут же принялась записывать за литераторшей.

Маргарита пожала плечами и вернулась к телефону. Слушать о былинах не хотелось, о классике – тем более. Она бы с удовольствием послушала, если бы литераторша рассказала, как в семнадцать, будучи на УДО, зарабатывать хоть на косарь в неделю больше. Или если бы рассказала, как заткнуть отчима-алкаша. Или, на худой конец, как не занозиться каждый раз, когда ощиывается от шипов розы. Но вместо этого литераторша объясняла, почему былины не могли быть созданы в крестьянской среде.

– Маргарита, убери телефон. Коля, что там у тебя под партой? Одиннадцатый класс, а как детский сад! Открываем учебник, страница двести два.

Маргарита со вздохом спрятала телефон и посмотрела на новоиспечённую соседку. Та строчила, почти лёжа на парте, едва не высунув от усердия язык. Тёмные волосы кольцами елозили по тетради. Ильяна то и дело откидывала чёлку нелепым резким движением; это походило на то, как корова хвостом отгоняет мух. Маргарита мысленно усмехнулась и всмотрелась, что там соседка пишет.

Она думала, Ильяна записывает всё, что говорит литераторша; когда та замолкала, Ильяна сжимала и разжимала кисть, трясла рукой. Маргарита не представляла, как можно писать с такой скоростью и так много. Но, заглянув в тетрадь, она обнаружила, что Ильяна вовсе не строчила за литераторшей. Ильяна рисовала какие-то бесконечные домики, между которыми жались математические формулы.

Когда литераторша велела прочесть параграф «Об аристократическом происхождении эпоса», сидевший сзади Артём не слишком аккуратно ткнул Ильяну ручкой:

– Ты откуда такая?

Маргарита застыла, готовая вмешаться. Ильяна повернулась и довольно дружелюбно, на весь класс ответила:

– Из Тьмутаракани. Мне двенадцать, у меня разряд по стрельбе, я избранная и вундеркинд. Ещё вопросы?

У Артёма вопросов не было. Класс молчал. Литераторша устало велела:

– Ильяна, хочешь сказать что-то – поднимай руку. Пока ещё это всех касается. Арина, что запомнила из параграфа?

– Тебе надо учебник? – прошептала Ильяна, оборачиваясь к Маргарите. Подвинула «Литературу» на середину парты. – На... Не обращай внимания, что начёркано. Слова можно разобрать.

Все поля, пустоты и расстояния между абзацами были изрисованы формулами, бабочками, звёздочками и домиками.

Глава 6. Паутина

– Бесплатники! – крикнула столовая работница в колпаке и халате. – Берём обеда!

Из одиннадцатого бэ в очереди отщепенцев-бесплатников стояли двое: Маргарита Чёрных и Ильяна Иванова.

Ильяна брала обед, не стесняясь. Благодарила работницу на раздаче и неторопливо искала свободный стол. Маргарита хватала порцию и быстро садилась за самый дальний угловой стол.

Ильяна часто подсаживалась к ровесникам – пятым-шестым классам. Они обменивались какими-то книгами, конфетами, феньками. Как-то, идя домой, Маргарита видела, что мелкотня ждёт Ильяну на крыльце.

Всё было бы ничего, но кроме мелкотни её поджидали и парни постарше. Как Ильяна за две недели умудрилась насолить не только мальчишкам из их класса, но и банде из десятого? Маргарита сказала бы, что не знает, но прекрасно знала: видела своими глазами. Видела, по семь уроков каждый день сидя рядом с Ильяной.

Наполовину Ильяна была Леной: наивной и верящей в высшую справедливость, готовой защищать обиженных и сражаться за честь и правду, даже когда это была честь первоклашки,

у которой одноклассники кинули в лужу сумку со сменкой, и правда математички, которой одиннадцатый бэ хором заявил, что она не предупреждала о контрольной.

– Предупреждала, – громко сказала Ильяна. Встала, оглядела класс, перевела взгляд на математичку и повторила: – Елена Евгеньевна предупреждала. Контрольная по графикам тригонометрических функций. И не надо делать вид, что у неё склероз. Склероз у вас. Вместе с быдлоленью.

Сидевшей рядом Маргарите казалось, что от Ильяны исходят невидимые волны – справедливой, какой-то отчаянной ярости и бесстрашной уверенности в собственной правоте. Класс – как и тогда, на первой литературе, – молчал. Раз за разом. Разве что молчание становилось всё более грозным. Грязным. Опасным. Ильяну всё ещё спасала её внешность пятиклашки, но продолжаться вечно это не могло.

Однажды на перемене Маргарита застала десятиклассников, которые заталкивали в мужской туалет каких-то девчонок; ей показалось, что в месиве рук, ног и голов мелькнул край синего балахона. У Маргариты застучало в голове заевшим страшным припевом: «Гляибля. Гляибля».

Потемнело в глазах.

«Суд, применяя условно-досрочное освобождение, возложил на тебя определённые обязанности, в том числе продолжить обучение в общеобразовательной организации, – вдалбливала, прощаясь, Мигрень. – Ты и так на волоске, Маргарита. Примешься за старое – из школы вылетит очень быстро. А там – сама понимаешь, лишиться УДО легче, чем получить».

Нельзя нарываться. Нельзя!

Пока она стояла, сжав кулаки, не зная, на что решиться, одну из девчонок затащили в туалет. Поблизости не было никого из учителей, до учительской – бежать и бежать. Пока она бежит, что там сделают с этой девочкой? Выкинут из окна?

К горлу поднялось кислое и горькое. Маргарита теряла секунды, пока из-за приоткрытой двери доносились гогот и крик.

Ильяна влетела в туалет на всём скаку. Распахнула дверь, ворвалась внутрь и пнула попавшегося парня между ног.

Маргарита вбежала следом, схватила Ильяну, девчонку из десятого и выволокла обеих в коридор, куда уже сбежали девочки из швейной мастерской в конце коридора. На крик подтягивались и другие. При таком количестве народа опасаться парней из десятого больше не приходилось.

Пока.

«Может, обойдётся ещё», – переводя дух, подумала Маргарита. И услышала звонкий Ильянин голос:

– В штанах отросло, а мозг не догоняет?

Маргарита увидела бешеные белые лица, выпустила руку заплаканной десятиклассницы, которую всё ещё сжимала за запястье, и, сграбастав Ильяну, поволокла прочь. В носу и горле словно застрял запах хлорки, в ушах звенели Ильянины слова.

– Зачем ты так? – выдохнула Маргарита, когда они добрались до рекреации недалеко от учительской.

– Как – так? – воинственно ответила Ильяна, но было видно, что пыл её уже поутих, а его место занимал страх. Всё-таки Ильяна умнее Лены: инстинкт самосохранения отключён не совсем.

– Нарываешься, – оглядываясь, сквозь зубы ответила Маргарита. – Ты, конечно, мелкая, но это тебя долго спасать не будет. Пойдёшь домой – попросись через столовую выйти. Мало ли, эти идиоты тебя решат подкараулить.

– Вот ещё, – фыркнула Ильяна. – Буду я от них прятаться.

– Не будешь прятаться – придётся бегать.

- И бегать не буду.
- Ну и... бестолочь!

Маргарите хотелось выразиться куда ясней; куда чётче. Сказать то, что она постеснялась сказать Лене когда-то. Но Иляна смотрела своими серыми глазами, слегка взлохмаченная и вправду совсем, совсем мелкая. Даже не пятый класс; началка. И как ей было говорить такое?

– И откуда ты только такая? – с тяжёлым предчувствием спросила Маргарита.

– Я же сказала: из Тьмутаракани, – ответила Иляна. – Спасибо, что выручила. Пошли на английский.

Все оставшиеся уроки Иляна вела себя как ни в чём не бывало, но Маргарита видела, как неподалёку нарезают круги парни из десятого. Да и одноклассники поглядывали на Иляну с некоторым злорадством. В столовой Маргарита села неподалёку, наблюдая, как Иляна и её маленькие друзья грызут пиццы и обсуждают какого-то мохнатого Фёрби, которого одна из девочек выставила на стол.

Там, в пятом классе, тоже были свои мальковые разборки: подбежали мальчишки и скинули Фёрби на пол. Девочки завохтели над ним, отряхивая. Как бы саму Иляну не скинули так же.

После физики седьмым уроком в голове было гулко и пусто, хотелось капучино в «Семье» и завалиться спать. Но на капучино не было денег, а спать не светило – надо было идти во «Дворик». Кроме того, надо было всё-таки проследить за Иляной. Просто на всякий случай.

Но Иляна унеслась с физики ещё до звонка, дорешав все задачки и сдав проверочную раньше всех. Кое-как расправившись со своей работой, Маргарита быстро пошла в раздевалку. Ни Иляны, ни её приметной красной куртки с чужого плеча не было. Не было её и в холле. И на крыльце. Маргарита обвела взглядом двор, почти уверенная, что Иляна ушла рано и проскочила возможную засаду. Вздохнула с облегчением, спустилась по ступеням – и заметила красную, с порванным рукавом куртку на нижней ветке берёзы у бокового входа. Под берёзой прыгала Иляна в своём тоненьком балахоне. Её шапка темнела посреди грязного мартовского сугроба, шарф намотали на ствол – не так высоко, но выше, чем Иляна могла достать.

Маргарита тяжело вздохнула. Поскальзываясь на подтаявшем снеге, подошла к боковому входу. Чертыхаясь, полезла в снег. Колючие крупинки набивались в кроссовки, пальцы быстро замёрзли – март выдался ледяной. Иляна переступала рядом, дрожа, молча.

Маргарита развязала узел шарфа, вытащила из сугроба шапку. Ноги промокли, в рукава тоже набился снег. Она подпрыгнула, чтобы снять куртку, – не вышло. Со второй попытки тоже не получилось: куртку не просто забросили на ветку, но чем-то привязали. Тогда она стянула свою куртку, бросила Иляне и велела:

– Надевай. Сейчас же.

Сжала и разжала ладони, подошла к берёзе вплотную и полезла по стволу, опираясь на сучки и шершавые выступы.

Она кожей чувствовала чужие взгляды; чувствовала, как смотрят отовсюду: из окон, из-за кустов, от крыльца, из-за забора с улицы. Дотянувшись до куртки, Маргарита швырнула её Иляне и вполне удачно спрыгнула – разве что угодила в лужу и забрызгала джинсы. Хмуро спросила:

– Ты где живёшь?

Иляна отвела взгляд.

– Ты где живёшь, я тебя спрашиваю?

Иляна ответила что-то невнятное.

– Какие такие репетиторы? Говори нормально. Я тебя провожу. А то ещё привяжутся эти ослы.

Да, наполовину Иляна была Леной; но оказалось, что на вторую половину Иляна была самой Маргаритой, которой есть куда возвращаться, но которая совсем, совсем не хочет идти домой.

Родители Иляны жили в старой сталинке на краю города. Снаружи дом был красивым, бледно-розовым, в окружении высокой сирени и чугунных лавочек. Внутри подъезд пропах плесенью, штукатурка обваливалась, а в углах неряшливыми пучками лежали скреплённые провода.

Иляна поднялась на третий этаж и остановилась у жёлтой деревянной двери с потрескавшейся краской. Остановилась.

– Спасибо, что проводила.

– Да не за что, – хмыкнула Маргарита.

– Пока.

– Ну пока. И не выступай так больше, если хочешь доучиться.

Маргарита развернулась и пошла вниз, ногой отшвыривая с дороги фантики и какие-то тряпки.

На следующий день Иляна не пришла. Поглядывая на пустое место за партой, Маргарита ловила себя на некотором беспокойстве. После уроков она подошла к классной.

– Заболела.

Ещё бы. Сколько она вчера прыгала в одной кофточке на таком ветру?

– Ясно, – ответила Маргарита.

Неясно было другое: зачем в начавшийся липкий и мокрый снегопад она снова потащилась на окраину, отыскала среди сталинок-близнецов розовую трёхэтажку, поднялась на самый верх и постучала в жёлтую дверь.

Никто не ответил. Маргарита ещё раз огляделась в поисках звонка; звонка не было, не говоря уж о домофоне. Она постучала снова, сильнее; из-за двери слышалось бормотание телевизора, но ни шагов, ни голосов не было. Маргарита занесла руку, чтобы постучать в третий раз, и дверь открылась сама – с мягким скрипом медленно отошла внутрь, выпустив в подъезд душный прелый воздух с привкусом жареной картошки.

Маргарита осторожно шагнула в квартиру, привыкая к темноте прихожей, прислушиваясь. Справа – наверное, из кухни – сочился слабый свет и доносился шум телевизора. Впереди по коридору виднелись три двери. Маргарита позвала негромко:

– Есть кто-нибудь? Э-эй?.. Здрасьте...

Никто не отозвался. Всё ещё пытаюсь найти причину, которая объяснила бы, зачем она сюда пришла, Маргарита наклонилась, чтобы развязать шнурки на кроссовках, и увидела на полу слой мусора в сантиметр. Пыль, засохшие непонятные разводы, крошки, трупки мух... Кроссовки она решила не снимать. Прошла, слыша, как хрустит под подошвами, и заглянула в кухню. Пусто.

Из крана, разбиваясь о раковину, капала вода. Телевизор почему-то был отвёрнут и от дивана, и от стола с задранной клеёнкой. На подоконнике под распахнутой форточкой, прикрытые пакетом из «Пятёрочки», порывались жирной корочкой и снежинками пельмени.

Было холодно; Маргарита вышла из кухни, прикрыв дверь.

Заглянула в следующую комнату – и тут же отшатнулась, едва удержавшись, чтобы не зажать нос. Из комнаты пахло перегаром и канализацией. Маргарита успела разглядеть на кровати мужчину – он храпел, подложив руку под голову; вторая рука свесилась, пальцы касались пола, рядом на боку лежала осыпанная шелухой от семечек пустая чашка.

Маргарита быстро пошла ко второй двери. Глаза уже привыкли к коридорному сумраку, она различала пыльные репродукции на стенах, книжные полки под потолком, которых,

кажется, никто не касался уже лет двадцать, какие-то пакеты, сумки, кульки, набитые то ли тряпьем, то ли объедками...

Всё это было словно в кривом зеркале; словно отражало её собственный дом и жизнь, только в страшном увеличительном стекле в сколах и трещинах.

Уже ни на что не надеясь и почти забыв, зачем пришла, Маргарита толкнула вторую дверь. За ней обнаружилась длинная узкая комната с окном в противоположной стене. У окна стоял стол, за которым, спиной к двери, в больших розовых наушниках сидела Ияна. Она болтала ногой – видимо, в такт музыке, – и что-то писала. Маргарита окликнула:

– Ияна?

Ияна не услышала. Маргарита шагнула в комнату; всё-таки сняла кроссовки и, ловя своё отражение в длинном лакированном серванте, за стеклом которого пылился хрусталь, прошла к столу.

– Ияна-а.

Ияна продолжала строчить. Маргарита осторожно заглянула ей за плечо. Опять какие-то формулы и задачки, кажется, что-то из информатики. Когда в школе они заполняли бланки о том, какие ЕГЭ планируют сдавать, Маргарита видела, что Ияна вписала физику, информатику и английский.

На столе Маргарита заметила несколько справочников, стопку бумаги и потрёпанного Фёрби без одного глаза.

– Ияна, привет, – как можно громче произнесла она.

Ияна прочертила ручкой кривую, съехав с черновика на стол, резко обернулась и закашлялась.

– Ты тут откуда?

– Пришла... спросить, как ты, – чувствуя себя более чем глупо, ответила Маргарита.

– Офигенно, – хрипло ответила Ияна, повернулась к ней всем корпусом и уставилась снизу вверх. – Домашку хоть принесла?

Домашка была последним, о чём думала Маргарита. Но она всё равно достала дневник, открыла на нужной странице и положила на стол.

– Спасибо. – Ияна пробежала по строкам, махнула рукой. – Фигня. Что на алгебре было?

– Ничего особенного. Интегралы.

Ияна вздохнула. Принялась переписывать домашку.

– Там твой отец? В комнате?..

– Дядя, – ответила Ияна, не отвлекаясь от дневника.

– А... мама?

– Тётя, – сказала Ияна, закрывая дневник. Протянула Маргарите: – Она на сутках, если тебя это интересует. И да, у нас есть, что поесть. И я не при смерти.

Маргарита растерянно смотрела на Ияну. В узкой светлой комнате, относительно чистой и аккуратной по сравнению с остальной квартирой, Ияна казалась ещё меньше, младше и оцетиненней, чем в школе.

Не было никаких причин задерживаться. Ияна не просила о помощи и явно не горела желанием, чтобы Маргарита осталась. Маргарите и самой хотелось поскорее сбежать. Спрятаться во «Дворике». Укрыться в «Семье». Вернуться в школу. Куда угодно, лишь бы оказаться подальше и от кривого зеркала, и от оригинала.

Она вернулась к порогу, надела кроссовки. Ияна молча смотрела на неё от стола. Маргарита только теперь заметила, что у неё на шее намотан шарф, а сама она закутана в огромный меховой жилет.

– У тебя хоть какие-то таблетки есть?

– У меня простуда. С таблетками лечится за неделю, без таблеток – за семь дней, – ответила Ияна в нос.

Маргарита взялась за дверную ручку.

– Спасибо, что пришла.

Маргарита усмехнулась. Спросила – просто так, вовсе не интересуясь, – просто хотелось, чтобы Ильяна улыбнулась:

– Почему у тебя этот зверь одноглазый? Фёрби?

– А-а. Его Антон украл у Кати и бросил в унитаз. Катя после этого не захотела его отмыть. А я постирала, только глаз намок и отклеился. И он не заводится больше. Но всё равно милый.

«Его Антон украл у Кати и бросил в унитаз».

Гляибля. Гляибля. Гляибля. Страх и тьма поднимались, как вода в засорившемся сливе. Выше и выше. К горлу. К носу. Захлёстывая.

– Рита! Рита, ты что?

Она опомнилась, сидя на кровати Ильяны. Из носа шла кровь. Во рту был железный привкус.

– Что с тобой? Принести воды? – хрипло спросила Ильяна, рукавам вытирая нос.

– Себе лучше салфетку принеси, – пробормотала Маргарита, наклоня голову вперёд. Было противно, и дышать получалось плохо, но кровь постепенно остановилась. Ильяна исчезла куда-то, потом вернулась, сунула в руки носовой платок – вроде чистый.

– Что с тобой? – повторила она.

– Не знаю. Может, разволновалась, – ответила Маргарита, испытывая смущение, растерянность и досаду.

– За меня, что ли? – вручая ей кружку с водой, фыркнула Ильяна. В ноздре надулся пузырь.

– Высморкайся, – велела Маргарита. – Ну, считай, за тебя.

– С чего это тебе за меня волноваться?

– С того, что у меня была подруга. Дура, как ты. И она плохо кончила. – Маргарита залпом проглотила тёплую воду. – Не хочу, чтобы с тобой было так же.

Ильяна помолчала. Забрала кружку. Села на табурет у стола.

– Ну... ладно. Но ты зря волнуешься. Всё со мной офигенно.

– Ну и хорошо. – Маргарита встала и пошла к дверям. – Извини, что натоптала.

– Ничего. Я тоже дома в кедах хожу, – ответила Ильяна.

– У тебя кто-то ещё из взрослых тут есть?

– Брат, – ответила Ильяна и скривилась.

Маргарита постояла на пороге, прислушиваясь к себе.

– Ну пока?..

– Пока.

Вернувшись из «Дворика», что-то начёркав по литературе и кое-как ответив на вопросы по английскому, Маргарита устроилась на подоконнике. Из щелей дуло, но она заткнула самую широкую подолом длиннющей кофты и прислонилась к косяку. Март всё ещё не хотел сдаваться, всюду шёл снег, но сквозь тучи прорывался розоватый мягкий закат.

Отчим с матерью ругались за стеной. Но здесь, по крайней мере, действительно можно было найти, что поесть. И не пахло так жутко – по крайней мере, постоянно. И входная дверь всё-таки закрывалась на замок.

Маргарита представила Ильяну и поняла, кого она ей напоминает. Маленького жирафа. Жирафёнка – с огромными глазами с длинными ресницами, на тонких ногах на хрупких копытцах.

Маргарита закрыла глаза, чувствуя, как внутри ворочаются злоба и жалость. Совсем как март борется с весной. Совсем как витязь на распутье. Распутье есть, но дорог – ни одной.

Что она может сделать для Иляны? Ничего. Как и для Лены.

Что она может сделать для себя больше того, что делает? Ничего.

Ночью, когда отчим затих, а мама, судя по всполохам из-под двери, смотрела телевизор без звука, Маргарита пробралась на кухню за цитрамоном. Разболелась голова. Воды в чайнике не было, пришлось запить цитрамон из-под крана.

У Иляны ведь наверняка нет никаких лекарств. Наверняка у неё и чая нормального нет, не говоря о лимоне, о сахаре. Тётя придёт с суток и завалится, пьяная, рядом с дядей. Брат... Непонятно, что у неё за брат. И где у неё родители? Откуда она вообще такая? Информатика, физика, английский. Домики, звёзды. Фёрби из унитаза.

Нельзя. Нельзя!

Маргарита забралась в кровать, укрылась до подбородка. Слёзы стекали из глаз за уши, кожу щипало.

«и так будет всегда»

«и ты ничего не сделаешь с этим»

«что бы ты ни делала, всё будет впустую»

«таких, как ты, миллионы»

«и так будет всегда»

Глава 7. Глаз

Март перевалил за середину, Иляна вернулась в школу, Маргарита получила во «Дворике» премию. Отчим пил, мать плакала, и если что-то менялось – то только сокращалось число дней до окончания школы, после которых должно было начаться что-то другое. Что – Маргарита не знала. А вот Иляна знала очень хорошо. Когда после третьего урока в класс пришла завуч с какими-то тестами, она аж заёрзала на стуле.

– Ты чего? – прошептала Маргарита.

– Это тесты на подготовительные курсы в институт. Если хорошо напишешь, возьмут бесплатно.

– Ты туда хочешь?

Иляна посмотрела на неё, как на идиотку.

– Конечно.

– Зачем тебе? Ты ж и так куда угодно поступишь. Сдашь ЕГЭ на сотки, и всё.

Иляна вздохнула и посмотрела на Маргариту как на ещё более глупую, чем ей думалось. Объяснила шёпотом:

– Кроме ЕГЭ есть дополнительные баллы. За эти курсы, например.

– Чёрных, Иванова! Опять болтаем? – одёрнула историчка. – Серьёзную работу будем писать! Сосредоточились все!

– А перемена? – спросил кто-то. – Звонок уже был.

– Звонок для учителя, – в один голос ответили историчка, завуч и Иляна; правда, Иляна – едва слышно, уткнувшись в парту.

Завуч уже раздавала листы, проверяя, чтобы никому не досталось по два. При её приближении Иляна замолкла, напряглась и слегка придвинулась к Маргарите.

– Эй... ты чего?

Перед ними легли пустые бланки, но, вопреки обыкновению, Иляна не придвинула лист к себе тут же. Молча сидела, глядя куда-то в сторону всё то время, пока завуч объясняла, что это за работа, на что она влияет и почему важно «забыть о ваших делишках на перемене, сосредоточиться и выложиться на все сто».

Расслабилась Иляна, только когда завуч ушла.

– Да что такое с тобой? Корягу эту директорскую, что ли, боишься?

Иляна помотала головой и взглянула в листок – сначала в свой, потом в Маргаритин. Спросила с надеждой:

– Ты же попробуешь решить?

– Какой смысл? Я на эти курсы не собираюсь. В институт всё равно не поступлю.

– Попробуй, а? – попросила Иляна. – Может, вместе будем ходить.

Маргарите показалось, будто она только что захлопнула за собой дверь Иляниной квартиры; только что вырвалась из запахов перегара и безнадёги. Она впервые пожалела, что после колонии даже не пыталась вникать в учёбу по-настоящему.

– Я всё равно не смогу.

– Я за тебя решу, – быстро сказала Иляна. – Сначала твой, потом свой. Подвинь так, чтобы я видела...

Маргарита, не очень-то веря в успех, подвинула свой тест к середине парты. Иляна придвинулась ближе. От её балахона – сколько их у неё было одинаковых? Неужто один и тот же носит? – пахло пылью и чем-то сладковатым, как будто сухими листьями, забытыми в словаре.

Пока Иляна строчила в черновике ответы для Маргариты, Маргарита водила по листу ручкой для отвода глаз. Допустим, получится. Допустим, Иляна решит оба теста, их обеих возьмут на курсы. И что? На что ей это? Она даже завуча толком не слушала, что за курсы-то, на какой факультет. Ну, раз Иляне так надо, – наверное, что-то с информатикой или физикой. Но она-то, Маргарита, что там забыла? Вылетит в первый день. Да ещё и место чьё-то займёт.

Она покосилась на Иляну и вздохнула. Иляна писала, феньки на запястье елозили по листу. Маргарита сообразила вдруг, что на уроках слышит этот звук постоянно: сухой, рассыпчатый. Как будто баюкает.

На следующий день в обед Маргарита стояла в очереди бесплатников одна. Подумала было, что Иляну опять подкараулил кто-то из старшекласников, и мысленно решила, что, если та не появится через пять минут, – пойдёт искать её по туалетам и тупикам.

Прошло пять минут. Иляны не было.

– Берём обеды!

Маргарита взяла поднос, опустила на ближайший стол, схватила булочку и быстро пошла к выходу из столовой. С Иляной она столкнулась в дверях – та летела, ничего не видя на пути. Врезавшись в Маргариту, ткнула ей в лицо какой-то бумажкой.

– Куда ты опять девалась?

– Взяли! Тебя и меня!

– Куда взяли? Кого? Что?

– Тебя и меня на курсы! Только, – Иляна нахмурилась; в её исполнении это выглядело скорее смешно, чем грозно, но Маргарита сдержала смех, – обещай, что нагонишь.

– Да я даже не посмотрела толком, что там в тесте было, Иляна...

– Там был английский. Нагонишь? – Иляна сурово посмотрела снизу вверх. – Обещаешь?

– Да обещаю, обещаю, – отмахнулась Маргарита. – Там из-за тебя уже, наверное, мой обед съели.

Её поднос не тронули, но раздатчица уже ушла, так что без обеда осталась Иляна.

– Ешь. – Маргарита уселась на лавку, подвинула Иляне поднос и откусила от булочки. – Я не трогала. Когда хоть курсы-то эти будут?

Иляну упрашивать не пришлось; она сходила за вилкой, села напротив и принялась расправляться с резиновой сосиской и оладьями с повидлом.

– С апреля, – ответила, лоя выскочивший из тарелки кусок сосиски. – Три раза в неделю, в семь вечера.

Размышляя, как она будет совмещать это с «Двориком», Маргарита наблюдала за Иляной, краем глаза следя, не крадётся ли кто-нибудь опрокинуть поднос или дать леща – привычка ещё с колонии.

– У тебя есть чистые тетради? У меня кончились. Может быть, попрошу у тётки.

В конце концов, всегда можно было соврать Иляне, что ей некогда. Что у неё работа. Что ей на фиг не нужны никакие курсы.

– Я спрашивала у первокурсников, которые ходили в прошлом году. Они сказали, там много аудирования, в конце экзамен, плюс преподаватели тебя сразу запоминают.

Но врать Иляне не хотелось.

– Я посмотрела расписание и темы. Я тебе отмечу, что перечитать в учебнике к первому занятию.

Шагая по грязи на первое занятие, Маргарита никак не могла отделаться от мысли, что снова идёт на кексики.

С курсов её отчислили после второго занятия: устное собеседование, полный провал. Иляна расстроилась. Маргарита, в душе ликуя, пообещала, что будет встречать её после занятий и провожать домой.

– Пойдёт?

– Поползёт, – вздохнула Иляна. Правда, быстро воспрянула духом и начала рассказывать про онлайн-школу, о которой прочитала, когда дорвалась до компьютера с интернетом в аудитории, где проходили занятия. – Там есть два бесплатных вводных урока, знакомство с фронтендом и знакомство с HTML. Дальше уже платные: семантическая разметка, селекторы, структуры данных. Я думаю, что пройду два бесплатных, а потом, может быть, где-то найду деньги, и...

Маргарита, слушавшая вполуха, понятия не имела ни про фронтенд, ни про селекторы. Спросила только:

– Где ты их проходить-то собираешься? У тебя же нет интернета дома.

– Здесь, – Иляна кивнула на оставшееся позади здание института. – После занятий. И, может, ещё в школе после уроков. Если разрешат. Я раньше так и делала, когда мы с де... с дедушкой жили.

Дедушка? Интересно. Маргарита сделала вид, что не заметила запинки, и спросила, чтобы отвлечь погрузневшую Иляну:

– И как ты, такая умница-разумница, в такую обычную школу угодила?

Иляна пожалала плечами. На одной ноге поскакала вперёд. Обернулась, раскинула руки и поскользнулась на заледеневшей луже. Пришлось поднимать её, нервно хохочущую, и отряхивать. Вот ведь – только что хмурилась, а теперь ржёт. Маргарита тоже улыбнулась, глядя на Иляну – против воли, без повода, несмотря на холодный ветер, на то, что ждало дома, на то, что дома не ждало ничего хорошего, и в школе не ждало, и вообще как будто бы не ждало.

Да не может так быть.

Не может вся жизнь быть тленом.

Не может не ждать ничего хорошего впереди.

Она усмехнулась. Ей как будто Лена это на ухо сказала. А Иляна добавила:

– У меня коржик остался с обеда. Хочешь?

– Аниматором не берут – маленькая, – загибала пальцы Иляна через неделю. – Репетитором я бы с радостью, но тоже все говорят, что мелкая. Продавцом что в книжный, что в продуктовый – только с восемнадцати. Может, спросишь в своём «Дворике» – вдруг меня возьмут тоже? Я убираться могу, пол мыть. Смогу букеты делать. Спросишь?

– Спрошу.

– Могу раздавать листовки. Могу ходить по улицам в костюме цветка и зазывать в магазин. А? Спросишь?

– Да спрошу, говорю же тебе!

Но во «Дворик» малолетней уборщицы не требовалось, а потом начались пробные ЕГЭ, а пьяного вдрабадан отчима избили, он провёл ночь под стеной круглосуточной пивной, заработал воспаление лёгких и попал в больницу. Мать пропадала в больнице, пыталась запрячь и Маргариту, но ей хватило одного раза: миновав больничное крыльцо и бесконечные пропахшие лекарствами коридоры, она высидела рядом со стонущим отчимом пять минут, оставила на тумбочке банку с супом и контейнер с чем-то, что приготовила мама, и сбежала. И всё-таки мать заставляла её готовить для отчима – сама она успевала не всегда.

Маргарита чертыхалась, но чистила картошку, делала пюре с комками, варила лапшу – как будто его в больнице не кормят! Но плюс во всём этом всё-таки был: она купила в Фикспрайсе ещё один пластиковый контейнер и кое-что складывала туда, а потом отдавала Иляне. Иляна не сопротивлялась; она вообще очень положительно реагировала на любую еду. Однажды сказала, жуя:

– Ты зря прячешь мне в рюкзак. Лучше давай сразу. Я всё равно дома не могу есть.

– Почему?

– Демьян. – Иляна проглотила кусок и мрачно объяснила: – Брат.

– И что он? Есть не даёт дома?

– Ну, если заметит – отберёт. Начнёт выпрашивать. Лучше не рисковать.

Когда Маргарита принесла коробочку Рафаэло (не удержалась; было совсем дешево по акции), Иляна расстроилась:

– Лучше бы деньгами.

И Маргарита вспомнила про эти онлайн-уроки, которые Иляна так хотела заполучить. За всей круговертью она совсем позабыла об этом, а Иляна больше и не напоминала. Зато, как выяснилось, сама всю копила.

– Приходи сегодня ко мне, – шепнула в конце географии, прикрываясь учебником. – Как закончишь у себя во «Дворике».

– Зачем?

– Увидишь, – заговорщицки ответила Иляна, ровно со звоном захлопнула учебник, и из него вылетел черновик задачи по информатике. Иляна нагнулась, чтобы поднять, а проходивший мимо Бажен хмыкнул негромко, глядя на Маргариту:

– Чё, зэчка, нашла себе подходящую подружку? Не мелковата? Или так проще будет из окна вышвырнуть?

Маргарита не совсем поняла, что он имел в виду. Только шевельнулось внутри что-то; она вскочила и ударила его по щеке так, что занемела ладонь.

– Это ещё что такое? Одиннадцатый класс, и будем драться? – налетела географичка.

Иляна, вынырнувшая из-под парты, переводила взгляд с Маргариты и Бажена. Географичка что-то говорила, взывала к совести. У Маргариты звенело в ушах. Она даже не сразу поняла, что Иляна дёргает её за руку и тоже что-то говорит, не обращая на географичку никакого внимания.

– Рит! Рита! Что случилось? Рита, всё хорошо?

Маргарита что-то ответила, как-то отбрехала, но, судя по настороженному взгляду Иляны, ответ её вовсе не удовлетворил. И вечером, когда, стараясь не вдыхать особенно глубоко, Маргарита разувалась на пороге её комнаты, задала тот же вопрос:

– Что случилось сегодня? Когда я уронила бумажку? Я слышала, что Баженов сказал что-то, но не поняла, что. Что там было? Почему ты так расстроилась?

– Я не расстроилась, – автоматически сказала Маргарита, отмечая, что кровать Иляны, как и стол, как и, частично, пол, завалены странного вида загогулинами – чем-то вроде деталей то ли для транспорта, то ли для механизмов. – Это ещё что за новости?

– Это запчасти, – хмуро ответила Иляна. – Я их перепродаю. Пытаюсь, по крайней мере. – И добавила сквозь зубы: – Пока только в минус.

– Зачем? – ужаснулась Маргарита, едва не запнувшись об одну из железяк.

– За деньги, – отрезала Иляна. Дёрнула на себя дверцу шкафа и принялась рыться, вытаскивая тряпки и замурзанные мягкие игрушки. – Вот! Смотри!

Она понизила голос, показалась из-за дверцы со свёртком и крайне загадочным видом. Подошла к Маргарите вплотную, быстро покосилась на дверь и протянула раскрытые ладони. На них, перевязанные шнурком, лежали купюры: тысячные и сотенные.

– Это с перепродажи железяк? – поразилась Маргарита, в жизни ничего не продавшая и не купившая с рук.

– Я ж говорю, железяки пока в минус. – Иляна прижала деньги к груди, потом снова нырнула за дверцу шкафа. Какое-то время повозилась, засунула обратно все простыни, платки и игрушки. – Я красила стулья в музее, разносила роллы в студгородке. И организовала доставку еды из «Магнита» общажникам. Ты бы знала, какие они ленивые жопы... И некоторые такие свиньи. Я даже не знаю, кто хуже. Хотя нет, знаю, Демьян хуже. – Иляна вздохнула, стянула с кровати плед вместе со всеми запчастями и похлопала по одеялу: – Ты садись, чего застыла.

Маргарита молча села. Пододеяльник и наволочка были из разных комплектов, и то, и другое – сомнительной чистоты; она понадеялась, что не слишком добавит грязи джинсами.

– В общем, на уроки по базам данных мне хватит, – задумчиво сказала Иляна. И азартно добила: – Но это всё – такая мелочь, конечно! До четырнадцати лет вообще толком не на чём заработать. Вернее, полно объявлений с нормальными деньгами, но там распространение курительных смесей, вейпы... Опасно. И незаконно. – Иляна поджала губы и тоже села на кровать. – Жаль.

Маргарита, не зная, что ответить, блуждала взглядом по комнате. Наткнулась на коробку от Рафаэлло, в которой стояла баночка от консервированного горошка.

– Это что?

– Это горшок. Я потом принесу земли и посажу лимон. Сегодня был чай с лимоном с толовой, мне как раз попался с целой косточкой. Рит. – Иляна взяла подушку на манер щита, словно хотела укрыться. Посмотрела на Маргариту исподлобья и сказала: – А ещё мне старшеклассники предлагали деньги. Но... они что-то странное предлагали. Я не совсем поняла. Я... не уверена, что это что-то... нормальное.

У Маргариты в голове сразу мелькнул миллион мыслей. Обрывки разговоров из колонии.

– Даже не смей. Даже не смей, слышишь?!

Она и сама испугалась своего взвизгнувшего, сорвавшегося голоса; Иляна обхватила подушку и уткнулась в неё лицом.

– Сколько тебе не хватает? – отрывисто спросила Маргарита.

– Да я же говорю, на базы данных хватит...

– Сколько тебе не хватает?

– Там пять четыреста каждый месяц, курс полгода – это фронтенд-разработка. Но...

– К пацанам даже близко не подходи. Поняла меня? – всё ещё резко произнесла Маргарита. – Если будут приставать – скажешь. Поняла?

– Да поняла, поняла, – пробормотала Иляна. – Но деньги-то откуда взять?

– Откуда-нибудь. Посмотрим, – ответила Маргарита. – Ладно, давай, пока. Мне ещё зал и подсобку сегодня отмыть надо. И отчиму приготовить варево.

– Ладно... давай, – растерянно ответила Иляна. Посмотрела на старые часы под треснувшим стеклом и кивнула напряжённо. – Иди быстреей, ладно? Скоро Демьян придёт.

– Ну пока.

– Пока...

Маргарита отошла ещё на шаг, упёрлась спиной в батарею, чуть отклонилась и сфотографировала почтовые ящики. Наконец-то в кадр влезли все – вместе с рассованными по щелям листовками пиццерии «Укуси ещё». За это платили не то чтобы много – сто пятьдесят рублей за раз. Но никто не мешал раскладывать листовки ночью, так что Маргарита занималась этим после школы, «Дворика» и – трижды в неделю – прогулки от института до окраины вместе с Иляной.

Разложив листовки ещё в одном подъезде, а затем – в ещё, она наконец отправила все фотографии человеку, который выдавал листовки и отдавал после смены деньги. Плохо, что наличку. Но ни трудового договора, ни каких-то других официальных бумаг не было, так что и требовать переводить на карту Маргарита не могла. Да у неё и карты-то не было.

Шагая домой по подмёрзшим улицам, она размышляла, зачем вообще ввязалась в эти листовки. Ведь этого ничтожно мало, если подумать. Иляна сказала, что за уроки нужно платить почти по пять с половиной тысяч каждый месяц – листовками столько не накопить, даже если раскладывать с утра до ночи. Конечно, если взять деньги, которые платят во «Дворике», станет лучше, но «Дворик» закрывал её собственные нужды: надо было одеваться во что-то, надо было обуваться. Надо было есть что-то помимо школьной столовой – дома еда оказывалась далеко не всегда. А ещё надо было откладывать на грунт, саженцы и подкормку – Маргарита планировала накопить сумму к маю, а на дворе было уже почти десятое апреля.

«А может, уже и десятое, без почти», – запрокинув голову и глядя на тусклые звёзды, подумала Маргарита. Может, уже перевалило за полночь. Отчим, будь он дома, снова начал бы орать и распускать руки. Но он всё ещё в больнице, а мать, кажется, окончательно перестала её замечать. Что ж, ей же легче, на самом-то деле.

На следующей неделе Маргарита взялась расклеивать по подъездным доскам афиши «Цветочного дворика», а ночами, когда всё равно не могла заснуть, проходила платные опросы. Попробовала транскрибировать, но не хватило терпения.

Когда классная поздравила её с днём рождения после английского и вручила розовый «Риттер-спорт», Маргарита едва удержалась, чтобы не сказать то же, что сказала ей Иляна: лучше бы деньгами. Подарочные шоколадки покупали на деньги из классной копилки – в которую родители Маргариты, само собой, денег не клали. Так что, пока классная желала ей жить в ладах с совестью и не сходить с правильного пути, кто-то из среднего ряда шепнул:

– Зэчка-нищевродка.

И класс покотился со смеху.

Маргарита посмотрела в окно, где уже набухали почки, и подумала, что в целом ей всё равно. Никому из них не переплюнуть Гаю. Да и она сама уже давно не та девочка, которая рыдала из-за плюшевого щенка. Но Илян было жалко; не хотелось, чтобы, кроме собственных бед, на неё ещё и падали отблески сомнительной Маргаритиной славы.

В общем, она только кулак показала Бажену и его хихикалкам. А на перемене для остротки вышвырнула в окно его рюкзак. Это было несложно и недоказуемо, и Иляна смеялась над этим всю дорогу домой.

– Зайди. У меня чай есть сегодня, – предложила она, когда они вошли во двор розовой сталинки.

Маргарита подумала про листовки. Вновь спросила себя, зачем делает это. Сто пятьдесят рублей – они вообще ничего не решают; разве что, может, удастся скопить пять с половиной в этом месяце – с учётом того, что уже есть у Иляны. Но дальше-то что?

Но, может, оно и неправильно – требовать от себя чего-то навечно. Может быть, просто до завтра – тоже нормально.

На этот раз в кухне было не так ужасно, как в первый её визит: проветрено и почти чисто. Иляна, встав коленом на табурет, дотянулась до сушилки и сняла две чашки: зелёную, с эмблемой «Якобса», и розовую, какие лет пять назад давали по акции в «Летуаль».

Вскипел чайник. Пока заваривался чай, Иляна полила росток в консервной банке. Обернулась к Маргарите:

– Знакомься: дон Лимон!

Маргарита посмотрела на хилый росток; пара сантиметров, не больше, и цвет какой-то мутный.

– Да какой он дон. Хиляк какой-то...

– Будут ещё синьор Помидор и хан Банан, – не обращая внимания, сказала Иляна. – Когда я семена найду.

– Не уверена, что банан можно вырастить дома.

– Ну и пофиг. – Иляна закончила с поливом, уселась за стол и сказала: – Тебе «Риттер-спорт» подарили. Не осталось, случайно?..

– Случайно, осталось, – усмехнулась Маргарита, доставая половину шоколадки.

Иляна обмакнула дольку в чай, облизала. Пробормотала:

– Горячий шоколад.

Маргарита вспомнила меню в «Семье» – горячий шоколад там явно выглядел иначе.

– Слушай, – медленно сказала она, усмехаясь про себя и почти веря, что если оглянуться – увидит за спиной призрак Лены. – Будет тебе пять с полбвой. Если обещаешь своего Лимона переименовать в Яблоко. Обещаешь?

Иляна удивлённо застыла – губы и пальцы в шоколаде, в глазах – недоумение.

– Так обещаешь?

– Ну... допустим, – кивнула она.

– Ок. Завтра принесу деньги.

Во «Дворике» снова дали премию. Может, управляющая была слишком мягкосердечная, а может, Мигрень нажала на какие-нибудь свои кнопки в Департаменте по трудоустройству. За листовки набралось около тысячи.

– На два месяца точно хватит. А там посмотрим, – кладя купюры на учебник английского, сказала Маргарита.

Иляна недоверчиво провела пальцем по пятитысячной. Подняла глаза на Маргариту.

– Откуда?

– Откуда надо.

– Рита. Скажи.

– Не твоё дело, мелкая.

– Рита, я не куплю уроки, если ты мне не скажешь.

– Тогда я сама куплю

– Ага, знаешь ты, какие мне надо, – коварно, но невесело рассмеялась Иляна. – Рита, скажи.

– Считаю, это моя зарплата из «Дворика».

– А... а ты... ы сама как будешь?

– Не твоё дело, мелкая, – повторила Маргарита. Провела ладонью по Иляниной лохматой макушке. – Твоё дело – купить, что надо, и учиться.

С силой заколотили в дверь, и обе вздрогнули.

– Это брат пришёл, – выдохнула Иляна. – Посиди пока у меня... Не надо, чтоб он тебя видел. Он пойдёт в кухню, а ты уйдёшь. Ладно? Тихонько...

Маргарита сделала всё, как велела Иляна. Но с братом всё равно столкнулась – у поворота на кухню. Высокий, широкоплечий, черноволосый и сероглазый, как сама Иляна. Симпатичный. С чёрной бородкой и бровями вразлёт.

Он шагнул вперёд; Маргарите пришлось отступить на шаг.

– А это ещё что за чудо и откуда?

– Это моя одноклассница, – быстро сказала Иляна. Взяла брата за руку и попыталась развернуть к кухне. – Она уходит уже.

– Одноклассница? Что-то не верится. – Брат стряхнул Иляну, как муху, и взгляделся в Маргариту. – А, точно, ты ж у нас вундер-киндер, Ляжка... А ты? Тоже, что ли?

«С чего он так решил?» – мелькнуло в голове у Маргариты. Внутри поднимался страх – не от вида брата; выглядел он нормально, по крайней мере, куда лучше, чем Илянин дядя; скорее, от того, как напрягалась Иляна всякий раз, как о нём заходила речь.

– Дёма, – брат протянул ладонь дощечкой и навис над ней.

– Рита, – сказала Маргарита, ещё раз отшагнула и упёрлась спиной в вешалку с одеждой. Отступить дальше было некуда; совсем как когда фотографировала ящики с листовками. – Мне пора. Пусти.

Демьян и не думал давать дорогу. Придвинулся ближе. Пахло от него сигаретами и чем-то неожиданно приятным – то ли пряным, то ли мятным. Маргарита рывком отодвинула его и проскочила к дверям.

– Рита-Маргарита, – услышала она вслед. – Ритка-Маргаритка.

Выбравшись из подъезда, она обошла дом и нашла Илянины окна. Все три светились; ни в одном не было штор. Маргарита различила в ярком прямоугольнике высокую фигуру и прижалась к дому, чтобы Демьян не заметил её.

– Я тебя вижу, Ритка-Маргаритка, – донеслось сверху. Смешок, щелчок – и окурок красной звёздочкой прочертил воздух, приземлившись Маргарите под ноги.

Наутро она явилась к школе сильно заранее. Долго бродила по двору, выглядывая Иляну. В голове роились плохие предчувствия; было тошно, что вчера она сбежала, оставив Иляну наедине с братом. С другой стороны, что она могла сделать? Да и кроме того, Иляна и так остаётся с ним почти каждый день. Так что ничего необычного. Ничего страшного. И всё же... Всё же...

Когда Иляна наконец показалась в начале тропинки, Маргарита бросилась к ней, схватила за плечи и быстро оглядела.

– Он ничего не сделал тебе вчера?

– А что он сделает, – дёрнула плечом Иляна, высвобождаясь. – Он даже гадости говорить толком не умеет. Выдыхается быстро.

– Что он говорил тебе?

– Не твоё дело, крупная, – сказала Иляна с улыбкой. – Ничего он мне не говорил. Забудь. Я ухожу из дома и тут же забываю. Дедушка всегда повторял: не падай духом, падай брюхом! Держись за землю!

– Ты купила? – не отставала Маргарита.

– Что купила?

– Уроки свои!

– Как я их за наличку куплю? Да отпусти ты уже меня! – слегка раздражённо бросила Иляна. – Карточка нужна.

– И откуда ты карту возьмёшь?

– Пойду в банк после уроков.

– Кто тебе откроет счёт в двенадцать лет? – На них уже косились; Маргарита оттащила Иляну в сторону и понизила голос: – Мне-то не открывают!

– Можно привязать к родительскому. По идее, для этого нужно прийти с родителем в банк, но, может, и так прокатит... Тем более, у меня же не родители, а опекуны – дядя с тётей. Тётин паспорт я знаю, где лежит. Возьму и схожу.

– Ох, Иляна...

– Ну а что ещё делать? – очень по-взрослому спросила Иляна. – Какие варианты? Никаких.

– А если попросить твою тётю? Объяснить всё, попросить пойти с тобой.

– Ага, ага, – протянула Иляна с сарказмом. – Так она и пойдёт со мной. Заберёт деньги, и с концами!

– Ты говорила, она нормальная вроде...

– Она нормальная – в смысле, она не бьёт, не орёт и не водит домой левых мудаков, – жёстко ответила Иляна. – Но деньги она, если увидит, заберёт и не отдаст. И никакую карту на меня не откроет. Ты не представляешь даже, сколько раз к нам всякие соцработники приходили. Один раз даже директор лицея прямо домой явилась – с тортом, с какими-то бумагами... Хотела по-нормальному, а получилось как всегда, с моими-то дядей с тётей.

– Соцработники? А директор-то к вам приходила зачем?

– Хотели меня туда забрать. Чтобы я училась в лицее, – со вздохом ответила Иляна. – Бесплатно...

– И что? – спросила Маргарита, даже не заметив, что двор уже почти опустел. – А ты сама что?

– Я тоже хотела, – вздохнула Иляна, на этот раз откровенно печально.

– И?..

– И-и, и-и-и, – передразнила Иляна. – Без согласия родителей или опекунов ничего такого нельзя сделать. Как, думаешь, я в обычной школе оказалась, вся такая вундер-киндер?

– А почему твоя тётя-то против, я не понимаю? Пусть бы ты училась в лицее.

– Да ей просто пофиг. Если бы они ей дали денег или бухла принесли вместо торга – вот тогда бы, может, и прокатило.

Было неловко и почти неприятно слышать от Иляны такие выражения. Обычно вежливая, порой она резко перескакивала на дворовый язык. «От Демьяна, поди, набралась», – с резкой неприязнью подумала Маргарита.

– А так... – Иляна махнула рукой. – Безнадёга. Мне кажется, может, тётя им просто назло, из-за того, что они просто её достали своими уговорами, записала меня сюда. Это же самая убогая школа считается, да?

Маргарита подумала о том, как сама оказалась здесь, и зло засмеялась:

– Да.

Вечером Маргарита снова ждала Иляну – на этот раз во дворе института. Уже стемнело, к тому же похолодало, и Маргарита бродила, разглядывая окна и то и дело посматривая на часы над крыльцом.

Наконец двери открылись, и на ступени вывалила толпа – кое-какие лица Маргарита узнала: запомнила, встречая Иляну. Но самой Иляны в толпе не было. Не появилась она и спустя минуту, и спустя пять. Спустя десять Маргарита запаниковала, решительно поднялась на крыльцо и вошла внутрь.

– Девушка, вы куда? – окликнул охранник.

– Я... встречаю подругу. Она задержалась, видимо. Хочу её найти.

– Подождите тут.

– Мне надо её найти, – чувствуя, как паника набухает и крепнет, повторила Маргарита. – Я переживаю, что с ней что-то случилось.

– Да куда она могла деться из института?

– Мало ли куда! – почти крикнула Маргарита. – Ей двенадцать!

– А, это та маленькая, что ли? Ну иди, ищи. Сестра ты, что ли?

– Да, – бросила Маргарита, проскочила под турникетом и побежала по коридору к аудитории, в которой прошло самое первое занятие.

Двери были закрыты, свет горел только в конце коридора. Маргарита бросилась туда. Ещё одна закрытая дверь, пустота, гулкое эхо шагов и её отчётливое, слишком громкое в тишине дыхание.

– Иляна!

Иляна не отзывалась.

Маргарита увидела ещё одну дверь и рванула туда. Оказалось, это выход на лестницу. Между этажей горела слабая лампа; в её свете подёргивалась тень.

– Иляна! Это ты?

Маргарита принялась спускаться, наполовину ошупью – свет был совсем тусклый.

– Илян?.. Ты чего? Ты чего плачешь, что такое случилось? Тебя отчислили, что ли?

Иляна!

Иляна сидела на полу, уткнувшись подбородком в колени. Маргарита опустилась на корточки рядом.

– Ну? Чего?

Иляна не отвечала. Маргарита сообразила, что та беззвучно рыдает. Растерянно оглянулась; погладила по плечу. Мягко повторила:

– Ну ты чего?..

– Он деньги забрал, – проговорила Иляна и разревелась в голос.

– Кто?

Иляна только судорожно вздыхала и не могла выговорить ни слова.

– Демьян. Да? – спросила Маргарита. – Он забрал? Ах, с... скотина...

Иляна кивнула и заплакала ещё горше. Маргарита, соображая, как же быть, притянула её к себе, неловко обхватила руками. Принялась покачивать, бормоча что-то. А сама всё пыталась придумать, как поступить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.